

Теория и история государства и права

УДК 340.15

JEL: K10

*РОЖНОВ Артемий Анатольевич*¹

¹ ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, Москва, 125993, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-6038-8129>

¹ Рожнов Артемий Анатольевич, доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия. E-mail: roartan@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ В ЦАРСТВОВАНИЕ ПЕТРА I

Аннотация

Предмет / тема. В статье представлена характеристика изменений сущности Верховной власти в царствование Петра I.

Цели / задачи. Целью работы является характеристика изменений сущности Верховной власти в царствование Петра I. Рассматриваются такие вопросы, как причины произошедшей при Петре I трансформации «московского» Самодержавия в абсолютистско– деспотическую власть, а также проявления петровского неограниченного самовластия на публике и в быту, в отношении членов царской семьи и в политико– управленческой сфере. Статья базируется на изучении соответствующих нормативных правовых источников, актового материала и научной литературы по данной теме.

Методология. Методологическую основу исследования составляют всеобщие методы познания; общенаучные методы, а также анализ, синтез и др.

Вывод. В результате изучения соответствующих историко– правовых материалов автор приходит к заключению о том, что царствование Петра I ознаменовалось принципиальным изменением сущности Верховной власти по сравнению с предыдущим «московским» периодом русской истории, которое выразилось в трансформации «московского» Самодержавия в абсолютизм, то есть не ограниченное никакими писаными или неписаными нормами либо государственными или общественными институтами самовластие монарха, а учитывая методы проведения Петром своих «реформ», в откровенный деспотизм.

Ключевые слова: история русского права, Петр I, петровские реформы, государственный строй, Верховная власть, самодержавие, абсолютизм.

Theory and history of state and law

¹ **Artemiy A. Rozhnov**, Professor of the Department of international and public law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Assistant Professor.

TRANSFORMATION OF THE SUPREME ROYAL POWER IN THE REIGN OF PETER I

Abstract

Subject / Topic The article represents a description of transformation of the supreme royal power in the reign of Peter I.

Goals / Objectives The aim of the work is to give a description of transformation of the supreme royal power in the reign of Peter I. The author reviews such problems as the reasons for the transformation of the “moscovite” autocracy into an absolutist– despotism that took place in the reign of Peter I, as well as the manifestations of Peter's unlimited autocracy in public and at home, in relation to members of the royal family and in the political and managerial sphere. The article is based on the study of the relevant normative legal sources, act material and scientific literature on this topic.

Methodology The methodological basis of the article includes the universal methods of cognition; general scientific methods, as well as analysis, synthesis, etc.

Conclusion and Relevance As a result of studying the relevant historical and legal materials the author comes to the conclusion that the reign of Peter I was marked by a fundamental change in the essence of the supreme royal power compared to the previous “moscovite” period of Russian history, what was expressed in the transformation of the “moscovite” autocracy into absolutism (which means the autocracy of the monarch unlimited by any written or unwritten norms or state or public institutions) and outright despotism given the methods of Peter's “reforms”.

Keywords: *history of Russian law, Peter I, the reforms of Peter I, the state system, autocracy, absolutism.*

Царствование Петра I ознаменовалось принципиальным изменением сущности Верховной власти, которое выразилось в трансформации «московского» Самодержавия в абсолютизм, то есть не ограниченное никакими писаными или неписаными нормами либо государственными или общественными институтами самовластие монарха. По удачному для Петра совпадению его стремление к абсолютной власти органично вписывалось в популярные в XVII–XVIII вв. в Западной Европе политико–правовые концепции «полицейского», или «регулярного» государства и естественного права, которые как раз наделяли монарха неограниченной властью. Разумеется, данные концепции были взяты Петром и его сподвижниками на вооружение и служили идеологической опорой и оправданием петровского абсолютизма, благодаря которому и стала возможна устроенная им революция сверху.

Причина, по которой Петр Алексеевич, получив Самодержавную власть, трансформировал ее в абсолютизм, а учитывая методы проведения «реформ», в откровенный деспотизм, заключалась в отсутствии у него надлежащей подготовки к монаршему служению. Как один из младших детей Царя Алексея Михайловича, да еще и от второго брака, Царевич Петр никогда не рассматривался в качестве возможного будущего Государя, поэтому его первоначальное воспитание и обучение не шли ни в

какое сравнение с тем, как было принято готовить Царевичей–престолонаследников. После же смерти Царя Федора Алексеевича и разразившегося острейшего династического кризиса процесс обучения Петра и вовсе прекратился, и юный Царевич фактически был предоставлен сам себе. Никем не руководимый и не направляемый, он развлекал себя сам как мог, прежде всего предаваясь военным забавам в компании «потешных» товарищей и весело проводя время в Немецкой слободе (на «Кокуе»), где проживали приезжие иностранцы. Ни о каком полноценном образовании и формировании личности будущего монарха, объяснении ему сути Самодержавной власти и связанных с ней ограничениях, привитии ему «царских принципов», главными из которых являлись строжайшее следование долгу и необходимость обуздания своих личных желаний, прихотей и капризов, в таких условиях речь, разумеется, идти не могла. В итоге «в Петре выростал правитель без правил, одухотворяющих и оправдывающих власть, без элементарных политических понятий и общественных сдержек», правитель, который «до конца не мог понять ни исторической логики, ни физиологии народной жизни». Петр так и «остался без всякого политического сознания, с одним смутным и бессодержательным ощущением, что у его власти нет границ, а есть только опасности» [3, с. 531–532].

В результате отсутствия надлежащего воспитания и образования неожиданно пришедший к власти духовно– нравственно и профессионально неподготовленный к ней Петр Алексеевич на протяжении всего своего царствования не видел и не чувствовал никаких ограничений своих властных прерогатив и всегда был готов пойти на любые эксперименты и насилие над страной ради реализации своих желаний, интересов и устремлений, в том числе ложно или ошибочно отождествляемых с реальными интересами и потребностями государства и общества. Тесное же общение Петра с приехавшими в Россию «на ловлю счастья и чинов» иностранцами, внушившими царственному «москвиту» фанатичное убеждение в якобы заведомой отсталости «варварской России» от «цивилизованной Европы», сделало Петра «чужим среди своих» и придало петровскому деспотизму слепо подражательный характер и упорное стремление любой ценой превратить Россию в Европу.

Вследствие однобокого восприятия своей монаршей власти, то есть исключительно как блага, но не бремени, и непонимания, что прерогативы и возможности монарха проистекают из его обязанностей и ответственности и неотделимы от них, что Государь связан множеством запретов и ограничений, Петру I было присуще следование принципу «что хочу, то и ворочу» во всех проявлениях его жизнедеятельности – в личном, семейном и государственном.

Прежде всего Петр разительно отличался от своих венценосных предшественников в плане поведения и исполнения царского долга. Если

допетровские Государы являлись образцами благочестивых правителей на публике и в быту, строго подчинявшихся религиозным и моральным нормам, требованиям политического протокола, светского этикета и трудового распорядка, то Петр Алексеевич был их полным антиподом. Никаких правил поведения и рамок приличия для него словно не существовало, а если он и признавал их наличие, то нарочито, с демонстративным вызовом их нарушал. Скажем, рано пристрастившись к алкоголю, Петр не только не старался скрыть эту свою слабость или побороть ее, а наоборот, на протяжении всего своего царствования открыто предавался кутежам. Будучи крайне жестоким человеком, Государь даже не пытался сдерживать себя в своих садистских наклонностях, регулярно околавывая своей печально знаменитой дубинкой тех, кто имел несчастье попасться ему под горячую руку, выдергивая у них специальными щипцами зубы и т. д. Но самым страшным выражением этой необузданной жестокости было то, что Петр не гнушался собственноручно проливать кровь своих подданных, лично участвуя в пытках и казнях, чего никогда ранее не позволял себе ни один из русских монархов. Эти и другие поступки Петра I, каждый в отдельности и все вместе, наносили непоправимый урон образу Государя как «первого после Бога» и дискредитировали саму монаршую власть.

Свои непосредственные трудовые обязанности Петр тоже исполнял весьма своеобразно. В отличие, например, от своего отца Царя Алексея Михайловича, который руководствовался принципом «делу время, а потехе час», Петр Алексеевич практически не утруждал себя каждодневной систематической, кропотливой, вдумчивой государственной работой, многочасовыми «сидениями с боярами». Государственными делами он занимался урывками, на скорую руку, в промежутках между плотскими утехами, военными и морскими забавами, столярничеством и прочими хобби. В итоге при кажущейся невероятной загруженности «вечного работника на троне» он, по сути, «вообще не работал: он суетился», и его работа «была совсем не та, которой должен был заниматься царь и которая была нужна России». Для полноценной государственной деятельности у Петра «за вечными разъездами и таким же вечным пьянством просто технически не было времени и не могло быть» [5, с. 547–549]. Губительные последствия столь безответственного подхода Петра I к исполнению своего царского долга были неизбежны и со всей очевидностью проявлялись во всем характере проводившихся им «преобразований» – в их непродуманности, бессистемности, подражательности, в отсутствии планирования и прогнозирования долгосрочных последствий.

Еще одним зримым свидетельством деспотического, а не Самодержавного характера власти Петра I являлось неисполнение им своих обязанностей в отношении Царской семьи. Он не понимал или не желал понимать, что в монархическом государстве монаршая фамилия – это не

только и не столько частно– правовой, сколько публично– правовой институт, а следовательно, Государь как глава семьи должен с еще большим тщанием исполнять свои семейные обязанности и нести повышенную ответственность за все происходящее в Царском семействе. Ничего этого Петр не делал.

Свою первую жену Царицу Евдокию Федоровну он насильно заточил в монастырь, несмотря на то что к этому времени она уже выполнила свою главную супружескую обязанность – родила Петру сына и наследника престола Царевича Алексея. Второй же брак Петра и вовсе стал вопиющим надругательством над всеми традициями заключения браков в царских и княжеских семьях. Если до «царя– нигилиста» царских невест выбирали из числа наиболее красивых, здоровых и благочестивых представительниц русских служилых родов или из иностранных невест, прекрасно осознавая, что супруга Государя и мать его детей, в том числе будущего монарха, должна быть безупречна во всем, то Петр взял себе в жены женщину, которую в прежние времена не пустили бы даже на порог царских палат. Ни по своему происхождению, ни по неясному семейному статусу, ни тем более по нравственному облику избранница Петра Марта Скаврнская (Екатерина Алексеевна) и близко не подходила на роль Царицы, и единственное, что сделало невозможное возможным, – это лишь ничем не сдерживаемое желание Петра. Проблема усугублялась еще и тем, что до вступления в брак Екатерина несколько лет была любовницей Петра и рожала ему детей, которые по тогдашнему законодательству автоматически признавались незаконнорожденными, а значит, лишеными большинства прав. О нравственной стороне такого сожительства и о том впечатлении, которое оно производило на народ, и говорить не приходится. Однако все это совершенно не волновало Петра и не мешало ему делать то, что ему хотелось. Впоследствии Екатерина была коронована Петром, а после его смерти, несмотря на полное отсутствие способностей к государственному управлению, слабое здоровье и не изменившийся в лучшую сторону нрав, она была возведена на престол, став Императрицей Екатериной I.

Типичное отношение к исполнению своих монарших обязанностей Петр I продемонстрировал и в ситуации с Царевичем Алексеем. После рождения наследника престола Государь должен был создать необходимые условия для его воспитания, образования и подготовки к будущему царствованию, что всегда и везде считалось одной из главнейших обязанностей правящего монарха. В условиях же, когда «реформаторская» деятельность Петра не находила поддержки даже в Царской семье, Государю следовало лично заняться воспитанием сына и его наставлением в нужном ключе, дабы гарантировать после своей смерти продолжение избранного политического курса. Но нелюбимый сын от нелюбимой жены Петру был неинтересен, а подниматься над своими чувствами ради исполнения долга Петру было несвойственно, поэтому в воспитании Царевича Петр участия не принимал.

Когда же Алексей Петрович вырос и стало очевидно, что он, оказывается, не разделяет взглядов отца, последний вместо того, чтобы признать свою вину в этом и попытаться как-то выправить ситуацию, всю ответственность возложил на «непотребного сына», и как бы тот ни старался заслужить доверие и расположение отца, уже ничто не могло изменить отношение Петра к Алексею. Конфликт между Царем и Царевичем неуклонно нарастал и получил кровавую развязку в 1718 г., когда после устроенного Петром суда над Царевичем Алексеем и вынесением ему смертного приговора за «измену» он был запытан до смерти в казематах Петропавловской крепости.

Хладнокровно убив неугодного сына– наследника, Петр на этом не остановился и в 1722 г. совершил еще один, более страшный и фактически окончательный подрыв Самодержавной власти, издав Устав о наследии престола, в котором еще раз продемонстрировал свое необузданное стремление к никем и ничем не ограниченному самовластию. Данным воистину зловещим по своим последствиям законом Петр отменил исконный конституционно– правовой обычай престолонаследия, предусматривавший переход Верховной власти по прямой нисходящей линии от монарха– отца к старшему сыну и тем самым явственно подчеркивавший богоизбранничество Государя и сакральную сущность Самодержавной власти, и вместо него установил, «дабы сие было всегда в воле Правительствующего Государя, кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит». Своим законом Петр, по сути, поставил себя на место Бога, ведь неписанный «московский» закон о престолонаследии по принципу первородства базировался на ярко выраженном религиозном фундаменте, а именно на убеждении в том, что выбор наследника престола, а вместе с ним и будущего страны – это прерогатива не человека, но Господа Бога. Именно Он избирает того, кому суждено впоследствии сменить Государя на троне, и Царь земной должен лишь покорно подчинить свою волю воле Царя Небесного. Однако уверовавший в свое всеисилие и жаждавший беспредельной власти Петр не только поставил себя выше людских законов, но и дерзнул бросить вызов Самому Господу Богу. В высшей степени волюнтаристский устав 1722 г. подорвал основы упорядоченного, понятного и предсказуемого перехода престола от одного монарха к другому и закономерным образом в дальнейшем привел к полному хаосу на вершине власти и дворцовым переворотам, которые сотрясали Россию на протяжении нескольких десятилетий. В силу явно богопротивной природы и политической нелепости петровского закона о произвольной передаче Верховной власти общество по– прежнему продолжало «считать законом не то, что приказал Петр, а то, что было в умах и совести монархического сознания народа» [6, с. 287], то есть допетровский порядок престолонаследия, который и был с определенными иностранными

дополнениями впоследствии восстановлен Императором Павлом.

Но даже полностью изменив «под себя» порядок перехода монаршей власти, Петр и здесь умудрился наломать дров, в который раз проявив свою феноменальную политическую близорукость: наделив себя правом по собственному усмотрению назначать себе преемника, он за три года после издания закона так и не догадался сделать самое главное, от чего зависели будущее страны и продолжение дела всей его жизни, – назвать имя этого преемника. Расплата не заставила себя долго ждать: когда Петр Алексеевич внезапно смертельно заболел и данный судьбоносный вопрос встал в полный рост, в предсмертной агонии Государь только и смог начертать: «Отдайте все...», а кому «отдать», так и осталось без ответа. В итоге судьбу страны решил не привыкший ей распоряжаться Петр, а «жадную толпой стоявшие у трона» «птенцы гнезда Петрова».

В политической и управленческой сферах Петр I действовал столь же самовластно, по– абсолютистски.

Так же, как и его Самодержавные предки, он обладал политическим суверенитетом, то есть самостоятельностью и независимостью внутри страны и на международной арене, находился вне формального правового регулирования, имел универсальные властные полномочия, соединяя в своих руках всю полноту государственной власти. Однако Самодержавие московских Государей вовсе не было синонимом абсолютизма, поскольку Самодержавный монарх был не властен над исторически и органично сложившимися порядками, и учреждениями, был не вправе их разрушать по собственному хотению, а напротив, должен был согласовывать свои действия с ними. При Самодержавии реформирование страны и движение вперед происходили не бездумно, сломя голову, словно прошлого не существовало, а с твердой опорой на «старину», что обеспечивало размеренный, эволюционный и национально– ориентированный характер изменений.

Петра такой порядок вещей категорически не устраивал, поэтому «великий реформатор России объявил беспощадную войну всяким обычаям, равно как и старине, основанной на них» [4, с. 218]. За решительным наступлением Петра на «московские» политико– правовые обычаи и упразднением прежних властных учреждений стояла вполне конкретная цель – убрать со своего пути к абсолютной власти любые помехи и преграды и на чистом листе создать совершенно новую, полностью подконтрольную и удобную ему систему отношений и органов. Для достижения указанной цели Петр прежде всего устранил два главных препятствия – Боярскую (Государеву) думу, с политическими мнениями и привычками аристократической части, которой Государям приходилось считаться, и относительно независимую от государства Церковь во главе с Патриархом. Третье же препятствие на высшем уровне власти – Земские соборы – отпало само собой, поскольку, с одной стороны, в условиях

практически поголовного неприятия навязываемых стране чуждых «преобразований» обращение Царя к «голосу земли» и корректировка государственного курса с учетом мнения народа были просто немыслимы, а с другой, в рамках модных в то время на Западе и воспринятых Петром политико– правовых концепций народ вообще не имел права, по словам «Правды воли монаршей» Феофана Прокоповича, «повелевать что– либо монарху своему» и «судить дела» его и должен был «без прекословия и роптания все от самодержца повелеваемое творить».

Ликвидировав или кардинально реформировав негодные государственные учреждения на всех уровнях власти и разрушив ранее сложившиеся политико– правовые обычаи, Петр I добился того, чего страстно желал – своей тотальной власти, никем и ничем не ограниченной, ни от кого не зависящей и никому не подотчетной. Отныне Государь мог с полным основанием официально утверждать, буквально заимствуя соответствующее положение Декларации суверенитета шведских сословий 1693 г., что «Его Величество есть самовластный монарх, который никому на свете о своих делах ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои государства и земли, яко христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять». Данная абсолютистская формулировка Воинского артикула 1715 г. была дополнена в Духовном регламенте 1721 г. указанием на то, что «монархов власть есть самодержавная, которым повиноваться Сам Бог за совесть повелевает». Определение в Духовном регламенте монаршей власти как самодержавной не имело отношения к реальному, историческому Самодержавию и являлось не более чем обозначением абсолютной власти Государя с помощью традиционного и привычного русского термина.

Еще одним показателем трансформации Самодержавия в абсолютизм стало обмирщение Верховной власти, умаление значения ее религиозного фундамента и предназначения. Господствовавшая при Петре идеология уже не трактовала монаршую власть как сакральную, как устроение Божие, не видела высший смысл царского служения в утверждении Евангельской Правды на земле, построении и охране Православного царства как преддверия Царства Небесного, защите вселенского Православия, приготовлении человеческого рода ко Второму Пришествию Христову, не воспринимала царский крест как послушание сродни иноческому, во славу Божию и во благо вверенного ему Богом народа. В рамках концепции полицейского, или, если использовать современный лексикон, тоталитарного государства целью Государя и возглавляемого им государства являлось достижение «общего блага», «всенародной пользы» и, по словам самого Петра, «чести и славы» России. Для реализации данной сугубо мирской цели Государь и наделялся неограниченной властью и правом детально и всеобъемлюще регламентировать жизнь своих подданных посредством издания необходимых законов и обеспечения их

неукоснительного исполнения. В силу подобной десакрализации монаршей власти Государь «превратился из Божьего слуги в Отца народа и руководил им не ради душевного спасения, а ради благополучия имперского государства» [2, с. 276], а на смену прежним религиозным идеалам и чаяниям Святой Руси, Москвы как Третьего Рима и Нового Иерусалима, которые должен был воплощать в жизнь Царь– самодержец, пришла сугубо политическая цель построения могущественной Великой России.

Логическим следствием произошедших идеологических изменений и внешним выражением новых представлений о Верховной власти стало принятие Петром I в 1721 г. нового монаршего титула «Императора». В отличие от титула «Царя» как главного Государева имени, который ставил русского монарха в один духовный ряд с царями библейскими и, что особенно важно, уподоблял его Самому Царю царей, императорский титул соотносился в сознании общества не с религиозным, а со светским началом. К тому же, он ассоциировался с языческим или католическим Римом, а следовательно, воспринимался как нехристианский или, по крайней мере, неправославный, вследствие чего был встречен весьма неодобрительно [1, с. 190–192; 7, с. 37]. Международное признание за русским Государем титула Императора, который превратил Россию (Московское Государство, Российское царство) в Российскую Империю, растянулось на несколько десятилетий. Одновременно с императорским титулом заседавшие в Сенате и Синоде петровские соратники преподнесли Петру Алексеевичу титулы «Отца Отечества» и «Великого», которые он также принял. Что касается народа, то он тоже дал свою оценку Петру I и проводимым им «реформам», окрестив Государя «царем– антихристом» и «царем– самозванцем».

Как абсолютному монарху, Государю принадлежала вся полнота власти во всех сферах деятельности государства и жизни общества: он возглавлял государственный аппарат, являлся верховным законодателем и главнокомандующим, участвовал в отправлении правосудия, вводил подати и устанавливал повинности, управлял государственным имуществом, являлся главой Церкви и т. д. Монарх также обладал верховенством в области международных отношений: определял направления внешней политики страны, заключал международные договоры, объявлял войну и заключал мир и т. д. Исключительное положение Государя подчеркивалось и наличием у него целого ряда привилегий: он пользовался неприкосновенностью, подлежал особой уголовно– правовой защите, не нес юридической ответственности за свои действия, содержался за счет государства, имел свой Двор. Почетными преимуществами монарха являлись права на монарший титул, герб, почетный караул, а также наличие государственной печати и регалий (короны, скипетра и др.).

Список источников:

1. Боханов (2002) – Боханов А.Н. Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002.
2. Оспенников (2015) –Оспенникова Ю.В. История государства и права России: учебник / под ред. Ю. В. Оспенникова. М., 2015. Ч. 1.
3. Ключевский (2001) – Ключевский В.О. Полный курс лекций // Ключевский В. О. Русская история / Сост. А. М. Кузнецов. М., 2001. Т. 2.
4. Латкин (2004) – Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX вв.). М., 2004.
5. Солоневич (2003) – Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.
6. Тихомиров (1998) – Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. М., 1998.
7. Успенский (2000) – Успенский Б.А. Царь и император: помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000.

References:

- Bokhanov (2002) – *Bokhanov A. N. Autocracy. The idea of the Zarist power* [Samoderzhavie. Ideya tsarskoy vlasti]. М., 2002.
- Ospennikov (2015) –*Ospennikov Yu. V. The history of Russian state and law: textbook* / edited by Yu. V. Ospennikov [Istoriya gosudarstva i prava Rossii: uchebnik / pod red. Yu. V. Ospennikova]. М., 2015. Vol. 1.
- Klyuchevskiy (2001) – *Klyuchevskiy V. O. Full course of lectures // Klyuchevskiy V.O. The Russian history* / edited by A. M. Kuznetsov [Klyuchevskiy V. O. Polnyi kurs lektsiy // Klyuchevskiy V. O. Russkaya istoriya / sost. A. M. Kuznetsov]. М., 2001. Vol. 1.
- Latkin (2004) – *Latkin V.N. Textbook of the history of Russian law of the Empire period* (18th and 19th centuries) [Uchebnik istorii russkogo prava perioda imperii (XVIII i XIX veka)]. М., 2004.
- Solonevich (2003) – *Solonevich I.L. The people's monarchy* [Narodnaya monarkhiya]. М., 2003.
- Tikhomirov (1998) – Tikhomirov L.A. The monarchist statehood [Monarhicheskaya gosudarstvennost']. М., 1998.
- Uspenskiy B. A. (2000) – *Uspenskiy B.A. Tsar and Emperor: anointing to the kingdom and the semantics of monarch titles* [Tsar and Emperor: pomazanie na tsarstvo i semantika monarshih titulov]. М., 2000.